

В.Е. Дементьев
ЦЭМИ РАН, Москва

Искусственный интеллект: социальные риски и экономические возможности

Аннотация. В связи с быстрым совершенствованием технологии искусственного интеллекта обсуждаются сопряженные с ним социальные риски. Применительно к искусственному интеллекту рассматривается альтернативность технологического развития. В качестве актуальной проблемы выделяется определение пути, по которому будут выстраиваться отношения между людьми и искусственным интеллектом. Отмечена роль институциональных факторов в выборе этого пути. Технологические и институциональные траектории рассматриваются как зависимые от того, чьи интересы ставятся во главу угла при формировании направленности технологического развития. Представлены разные точки зрения относительно влияния искусственного интеллекта на занятость и на темпы роста экономики. Энергоемкость технологии искусственного интеллекта выделена в качестве фактора, способного ограничить экономический рост, достигаемый за счет использования этой технологии. Опыт использования микроэлектронных технологий анализируется для определения условий, благоприятствующих реализации экономического потенциала искусственного интеллекта. Исследование проводится с использованием данных по экономике США. Особое внимание уделено периодам, когда в частном секторе этой экономики наблюдалось повышение фондоотдачи. Показана возможность получения синергического эффекта за счет синхронизации совершенствования отраслевых технологий искусственного интеллекта в сопряженных отраслях.

Ключевые слова: *искусственный интеллект, занятость, экономический рост, социально-экономическое неравенство.*

Классификация JEL: E24, J21, O31, O33

Для цитирования: **Дементьев В.Е.** (2026). Искусственный интеллект: социальные риски и экономические возможности // *Журнал Новой экономической ассоциации*. № 1 (70). С. 442–449.

DOI: 10.31737/22212264_2026_1_442-449

EDN: QEMOWH

1. Введение

В развитии технологии искусственного интеллекта (ИИ) наблюдаются повторяющиеся «взлет и падение» — позитивные ожидания относительно возможностей использования этой технологии сменяются разочарованиями. Рост внимания и инвестиций в исследования по искусственному интеллекту в настоящее время представляет третью волну в истории ИИ (Kerr, Varty, Kelleher, 2020). Уже в 1970-е годы наряду с оптимистичными прогнозами использования ИИ высказываются серьезные опасения (Weizenbaum, 1976).

В (Аджемоглу, Джонсон, 2024) дается такое определение ИИ — это отрасль информатики, разрабатывающая «разумные машины», т.е. машины и алгоритмы (инструкции по решению проблем), способные выполнять сложные высокоуровневые задачи. Переживаемый этап социально-экономического развития рассматривается как решающий в определении того, по какому пути пойдет разработка и внедрение технологии на основе искусственного интеллекта, какими окажутся будущие взаимоотношения людей и ИИ¹. Предметом

дискуссий являются как риски использования искусственного интеллекта, так и его потенциальный вклад в экономическое развитие. Наряду с технооптимизмом имеются и скептические оценки достижений и перспектив искусственного интеллекта. Указывается, что в большинстве решаемых человеком задач существующие технологии ИИ пока приносят лишь очень ограниченную пользу (Аджемоглу, Джонсон, 2024). Актуальным является и вопрос о бенефициарах экономического роста на основе ИИ.

2. Альтернативность технологического развития

Вопрос о технологических альтернативах оказался в повестке дня еще в 1970-е годы, чему способствовали энергетические кризисы 1973 и 1975 годов. С тех пор исследования таких альтернатив занимают большое место при разработке проблем устойчивого развития. Эти исследования фактически оппонируют технологическому детерминизму, игнорирующему возможность влияния

¹ “Artificial intelligence and life in 2030: The one hundred year study on artificial intelligence”. Stanford University, 2016 (<https://ai100.stanford.edu>).

экономических институтов на формирование технологических траекторий. При учете вариативности развития ИИ практической задачей становится проектирование цифрового будущего (Dufva T., Dufva M., 2019), которое оказывается ареной социальной борьбы за цивилизационные альтернативы. Не только технологические, но и институциональные траектории предстают зависимыми от того, чьи интересы ставятся во главу угла при формировании направленности технологического развития.

Как отмечается в (Аджемоглу, Джонсон, 2024, с. 18), «новые машины и технологии не нисходят на нас в готовом виде с небес. Мы сами решаем, какими им быть: направить ли их на автоматизацию и надзор, чтобы снизить стоимость ручного труда, или создать новые задачи, обеспечив благосостояние наемных работников. Они могут стать источником общего блага или растущего неравенства в зависимости от того, как мы их используем и в какую сторону направляем наш научно-технический поиск».

Однако свобода технологического выбора имеет свои ограничения. Так, направление технических изменений зависит от квалификации работников, от размера рынка для различных изобретений. Чем больше квалифицированных работников, тем больше рынок технологий, которые могут быть использованы этими работниками, тем благоприятней условия для изобретения таких новых технологий (Acemoglu, 1998). В более поздних работах, в частности в (Acemoglu, Johnson, 2024), указывается, что направление развития технологий зависит не только от экономических стимулов, но также и от политических и переговорных позиций сторон трудовых отношений.

От институтов зависит наполнение информационного пространства. Если в нем доминирует представление лишь об одной возможной траектории, другие, быть может более выгодные для общества, оказываются на периферии теоретических исследований и практических разработок. «Естественный ход прогресса оказывается искривлен – в пользу тех, кто обладает властью, принимает решения и навязывает свое видение другим, и против тех, чьи голоса в обществе не слышны» (Аджемоглу, Джонсон, 2024, с. 20). Такие условия способствуют формированию ситуации, когда все начинают внедрять технологии, основанные на искусственном интеллекте, даже там, где существуют иные и, возможно, более выгодные пути организации производства.

С 2024 г. и в СМИ, и в научных публикациях все чаще говорится о формировании пузыря в сфере ИИ. В (Maani, 2025) проводится сравнительный анализ между «пузырем доткомов», который

достиг своего пика, а затем рухнул на рубеже тысячелетий, и инвестиционным бумом, наблюдаемым в настоящее время в связи с ИИ. В качестве принципиального различия между этими ситуациями указывается на доминирование в сфере ИИ гигантских компаний с доказанной прибыльностью, в отличие от большинства доткомовских компаний, которые часто были просто идеями, не имевшими четкого пути к прибыльности. «Наличие крупных, прибыльных игроков, практических приложений с осязаемой ценностью, готовой цифровой инфраструктуры и активной осведомленности о нормативных актах – все это факторы, которые склоняют чашу весов в пользу сценария “устойчивого роста и коррекции” по сравнению со сценарием “полного краха”, который наблюдался в 2000 г. Однако это не означает отсутствия рисков» (Maani, 2025, p. 17). Особо следует отметить вопросы, которыми заканчивается данная статья: «Будет ли победа за теми, кто быстрее внедряет инновации, или за теми, кто создает правовые и этические рамки, более достойные доверия? И как мы, как мировое сообщество, можем гарантировать, что не принесем справедливость и основные права в жертву ускоряющемуся технологическому прогрессу?» (там же). В (Floridi, 2024) высказывается предостережение, что наблюдаемый ажиотаж вокруг ИИ является очередным технологическим пузырем, который рискует привести к новой зиме искусственного интеллекта. Примечательно, что само выявление пузырей становится задачей, решаемой с помощью искусственного интеллекта (Hessenkemper et al., 2022).

Как следует из институциональной теории Д. Норта, главная роль институтов в обществе – уменьшение неопределенности путем регламентации отношений между людьми (North, 1990). Принятие кодексов, содержащих этические принципы деятельности в сфере искусственного интеллекта, предстает институциональной реакцией на неопределенность цифрового будущего. Значительное влияние и на эти кодексы, и на национальные стратегические документы в сфере ИИ оказывают геополитические амбиции стран (Дементьев, 2024). Успехи в экономике остаются ключевым фактором реализации таких амбиций.

3. Экономические эффекты искусственного интеллекта

3.1. Искусственный интеллект и занятость

В (Aghion et al., 2020) учитывается, что автоматизация некоторой отрасли способна привести к росту ее общей производительности факторов и снижению отраслевых цен. Это может подтолкнуть к расширению спроса на продукцию

не только данной отрасли, но и потребляющих ее продукцию отраслей. В итоге эффектом автоматизации окажется рост занятости в группе сопряженных отраслей. Компенсационные механизмы, уравновешивающие безработицу, приводятся в (Vermeulen et al., 2018). Выполненное в (Aghion et al., 2020) по данным о французских фирмах эмпирическое исследование подтвердило реальность компенсационных эффектов автоматизации. Однако если результатом внутриотраслевой экспансии успешной фирмы становится вытеснение с рынка менее роботизированных конкурентов, совокупная занятость в отрасли может снизиться.

В (Acemoglu, Restrepo, 2018) последствия автоматизации анализируются при варьировании задач, требующих привлечения работников, и задач, которые могут решаться без их участия. Влияние автоматизации на занятость оказывается неоднозначным, зависит от соотношения указанных задач. Более определенным, как показано в (Acemoglu, Restrepo, 2022), является влияние автоматизации на рост неравенства в заработной плате в США за последние четыре десятилетия. Речь идет об относительном снижении заработной платы групп работников, специализирующихся на выполнении рутинных задач в отраслях, которые быстро автоматизируются. Однако важным является то, что новые технологии ставят перед определенными группами работников новые задачи, начиная от новых технических профессий и заканчивая профессиями, основанными на цифровых инструментах (Acemoglu, Kong, Restrepo, 2024). Как следствие, автоматизация наряду со снижением занятости на обычных работах (эффект замещения) может сопровождаться расширением занятости в связи с появлением новых задач (эффект дополнения).

Что касается анализа российского рынка труда, доля рабочих мест с преобладанием рутинных операций в соответствии с ее оценкой в (Гимпельсон, Капелюшников, 2022) лишь немного превышает 10%. Поэтому искусственный интеллект и автоматизация производства вряд ли приведут к сильному сокращению рынка труда в обозримой перспективе. Согласно полученным в (Скоробогатов, Свиридов, 2025) результатам, в российской экономике наличие у фирм задач, для выполнения которых алгоритмы искусственного интеллекта могли бы заменить труд людей, положительно коррелирует с количеством публикуемых вакансий, связанных с обслуживанием этих алгоритмов, что свидетельствует в пользу эффекта замещения. Положительная зависимость между замещаемыми задачами и общей занятостью показывает наличие и эффекта дополнения.

Однако накопленных эмпирических данных недостаточно, чтобы прогнозировать, каковы будут для рынка труда долгосрочные последствия автоматизации производства, использования технологий искусственного интеллекта. Существует значительная неопределенность в отношении того, в какой степени ИИ будет применяться для автоматизации задач, сможет ли он создавать новые трудоемкие задачи и насколько это повлияет на производительность (Acemoglu, Kong, Restrepo, 2024).

3.2. Искусственный интеллект и потенциальная динамика ВВП

Принципиальные расхождения наблюдаются в оценках того, сколь радикально может повлиять ИИ на наблюдаемую тенденцию к замедлению темпов роста ВВП и производительности. Допускается, что развитие технологий искусственного интеллекта приведет к переходу экономики в режим сингулярности (ускорение темпов экономического роста до бесконечно большой величины) (Nordhaus, 2021). Обстоятельный анализ аргументов как сторонников, так и противников идеи о том, что уже в нынешнем столетии темпы экономического роста ускорятся в десять и более раз, представлен в (Капелюшников, 2025). В рамках изложения позиций скептиков отмечен, в частности, результат Д. Аджемоглу, показавшего на эмпирических данных, что в США ИИ сможет обеспечить в ближайшее десятилетие прибавку к ежегодным темпам прироста совокупной факторной производительности не более 0,07 п.п. или 0,11 п.п. к темпам роста ВВП (Acemoglu, 2024). Эти оценки могут занижать долгосрочный потенциал ИИ, поскольку его наибольшее влияние связано с созданием новых видов продукции и формированием новых видов экономической деятельности, которые ранее были невозможны. Однако некоторые новые задачи, создаваемые ИИ, способны иметь отрицательную социальную ценность (например, алгоритмы онлайн-манипулирования) (Acemoglu, 2024). Уже сейчас потребительские предпочтения часто оказываются объектом манипулирования. Поэтому со временем может оказаться иллюзорным представление о решающем влиянии потребителей на что и в каком количестве производится с помощью искусственного интеллекта, а следовательно, и о способности потребителей затормозить рост ВВП.

Для влияния ИИ на экономический рост ограничивающим фактором может стать энергоёмкость этой технологии. Энергопотребление центров обработки данных увеличивается ежегодно на 12–15% и удвоится к 2030 г., достигнув примерно

945 ТВт×ч, что превышает общее потребление энергии в Японии. На долю Китая и США к 2030 г. придется почти 80% мирового роста потребления электроэнергии такими центрами. В США этот рост составит 130% по сравнению с уровнем 2024 г., в Китае – 170%, в Европе – 70%, в Японии – 80%².

3.3. Опыт использования микроэлектронных технологий как ориентир для развития искусственного интеллекта

Современный уровень искусственного интеллекта может рассматриваться как новое качество микроэлектронных технологий. Благодаря их развитию стало возможным создание суперкомпьютеров, мощных центров обработки данных. Судя по экономике США, развитие микроэлектронных технологий происходит в условиях, когда в динамике фондоотдачи в целом преобладает понижающаяся тенденция. Однако были периоды, когда эту тенденцию удавалось переломить (рис. 1). Обнаруживается, что эти переломы связаны с тем, как на основе микроэлектроники развивались информационно-коммуникативные технологии (ИКТ), включая ИИ. График на рис. 2 показывает, как менялась доля инвестиций в ИКТ в отраслевых инвестициях в основные средства в ряде отраслей частного сектора экономики США.

В составе инвестиций в ИКТ учтены вложения в следующие активы: mainframes; PCs; DASDs; printers; terminals; tape drives; storage devices; system integrators; communications; prepackaged software; custom software; own account

software. Таким образом, в значительной мере охвачены инвестиции в автоматизацию, в ИИ.

Из сопоставления графиков на рис. 1–2 видно, что в экономике США повышательная тенденция фондоотдачи пришлась на период, когда во многих отраслях увеличивалась доля рассматриваемых инвестиций в ИКТ. На фоне тенденции к росту этой доли довольно высокими были и темпы ежегодного прироста ВВП, в среднем превышавшие 3,7% в период 1983–1999 гг. В период 2000–2008 гг. снижение средних темпов прироста ВВП до 2,42% наблюдается вместе с тенденцией уменьшения доли инвестиций в ИКТ.

Однако на уровне отдельных отраслей эти доли и отраслевые выпуски не всегда менялись однонаправленно. В таблице для ряда отраслей экономики США представлены характеристики связи между отраслевыми инвестициями в информационно-коммуникационные технологии и отраслевым выпуском (Gross Output by Industry). Выпуск взят с лагом в один год, указаны инвестиционные периоды, значения коэффициентов соответствующих линейных регрессий и их коэффициенты детерминации R².

Судя по темпам прироста ВВП, наиболее активная фаза микроэлектронной революции пришлась в США на 1990-е годы. Именно в этот период для многих отраслей была характерна тесная связь между увеличением доли инвестиций в микроэлектронные технологии и ростом отраслевого продукта. Можно наблюдать синергический

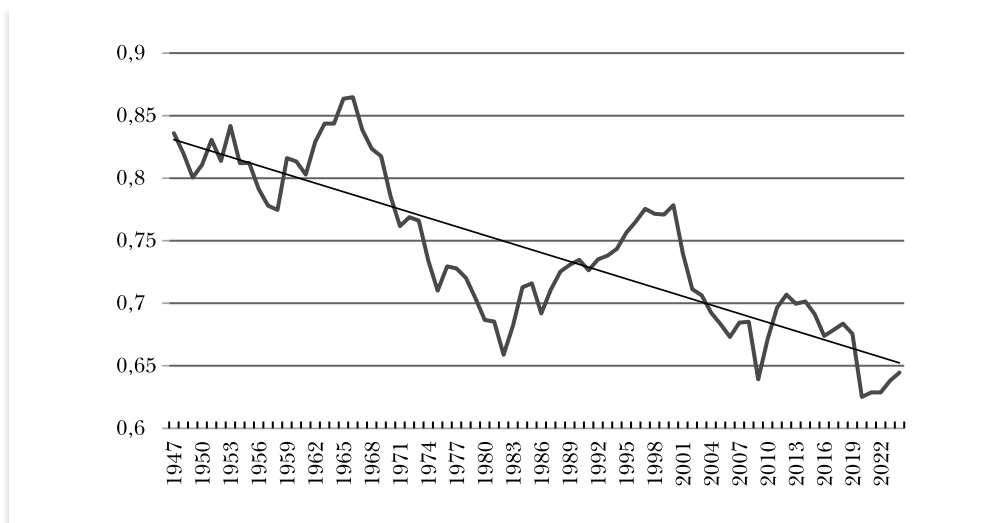

Рис. 1.

Динамика фондоотдачи частного сектора экономики США

Источник: рассчитано автором по данным Bureau of Economic Analysis USA.

² “Energy and AI. World Energy Outlook Special Report”. April 2025. International Energy Agency (www.iea.org).

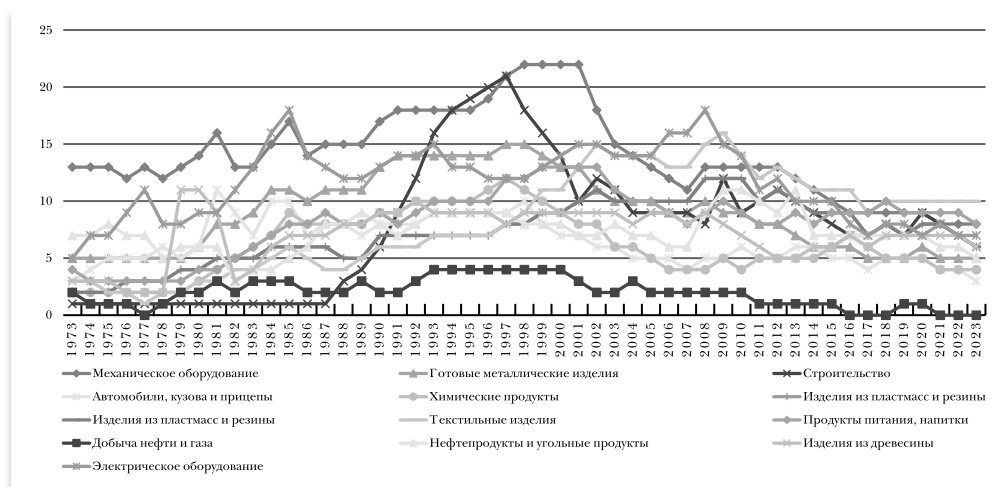

Рис. 2.

Динамика доли инвестиций в ИКТ в отраслевых инвестициях частного сектора экономики США

Источник: рассчитано автором по данным Bureau of Economic Analysis USA.

Таблица.

Характеристики связи между инвестициями в ИКТ и отраслевым выпуском

Отрасль	1973–1983	1984–1991	1992–1998	1999–2007	2008–2014	2015–2023
Изделия из пластмасс и резины	0,291	0,129	0,110	-0,024	0,055	-0,022
R ²	0,781	0,410	0,971	0,009	0,086	0,012
Строительство	-0,284	0,057	0,051	-0,088	0,130	0,431
R ²	0,003	0,205	0,916	0,179	0,504	0,797
Автомобили, кузова и прицепы	0,042	-0,030	0,086	-0,013	0,157	-0,066
R ²	0,185	0,067	0,889	0,029	0,759	0,037
Химические продукты	0,135	0,063	0,032	-0,084	0,032	0,062
R ²	0,811	0,750	0,868	0,61	0,142	0,093
Готовые металлические изделия	0,142	0,050	0,129	-0,059	0,009	0,369
R ²	0,682	0,355	0,796	0,102	0,003	0,552
Механическое оборудование	0,061	0,017	0,019	0,075	0,085	0,083
R ²	0,700	0,081	0,764	0,173	0,425	0,482
Текстильные изделия	0,217	0,077	0,033	0,091	-0,041	-0,017
R ²	0,382	0,125	0,483	0,370	0,239	0,412
Компьютерные и электронные изделия	0,072	0,021	0,029	0,000	0,000	-0,001
R ²	0,955	0,333	0,879	0,002	0,004	0,009
Продукты питания, напитки	0,475	0,251	0,170	-0,512	0,196	0,121
R ²	0,892	0,841	0,710	0,804	0,144	0,365
Добыча нефти и газа	0,078	0,039	0,009	0,143	-0,042	-0,330
R ²	0,838	0,353	0,037	0,733	0,026	0,329
Нефтепродукты и угольные продукты	0,422	-0,014	0,048	0,762	0,001	-0,321
R ²	0,811	0,642	0,013	0,039	0,736	0,333

Окончание таблицы.

Отрасль	1973–1983	1984–1991	1992–1998	1999–2007	2008–2014	2015–2023
Электрическое оборудование	0,067	-0,035	0,014	0,014	-0,054	0,127
R ²	0,811	0,642	0,013	0,039	0,736	0,333
Изделия из древесины	0,020	0,141	0,100	0,006	-0,060	0,338
R ²	0,082	0,381	0,299	0,000	0,012	0,750

Источник: рассчитано автором по данным Bureau of Economic Analysis USA.

эффект, когда ИКТ-технологии позволяют наращивать отраслевые выпуски, а с ними и межотраслевые поставки сразу целой группе отраслей. Синергический эффект предстает следствием межотраслевой синхронизации этих возможностей. Вместе с тем такая синхронизация охватывает не все отрасли, что ограничивает масштабирование синергического эффекта. При исчерпании потенциала масштабирования дальнейшее увеличение или даже сохранение доли инвестиций в ИКТ оказывается экономически нецелесообразным.

Последний столбец таблицы показывает, что в настоящее время нет такой близости отраслей по характеру связи между инвестициями в микроэлектронные технологии и отраслевыми выпусками, которая существовала в 1990-е годы. Это обстоятельство ограничивает текущие возможности ускорения роста ВВП за счет наращивания инвестиций в ИИ. Практическое проявление такой ограниченности способно снизить ажиотаж вокруг искусственного интеллекта. Однако в дальнейшем влияние этой технологии на экономический рост может существенно возрасти, когда ИИ станет влиятельным фактором роста отраслевого выпуска одновременно для значительной группы сопряженных отраслей, когда произойдет своего рода повторение ситуации 1990-х годов.

Заключение

В отношении технологий искусственного интеллекта следует придерживаться принципа «технологический прогресс нельзя пускать на самотек». Этот принцип – лейтмотив книги Д. Аджемоглу и С. Джонсона «Власть и прогресс». Направленность технологического развития допускает некоторые вариации, выбор между которыми влияет и на распределение результатов производства, и на властные позиции его участников. С другой стороны, от сложившейся системы властных отношений в значительной мере зависит формирование приоритетов технологического развития, механизма их реализации.

Перспектива использования искусственного интеллекта, автоматизации производства в качестве средства сохранения и даже углубления социально-экономического неравенства актуализирует вопрос о возможностях противодействия такому развитию событий. Эти возможности могут появиться, если приоритеты, направленность технологического развития будут формироваться в рамках представительской системы принятия соответствующих решений, основанной на сотрудничестве заинтересованных социальных групп.

Потребность в сотрудничестве, но уже в плане межотраслевой координации, возникает и в связи с возможностью получения синергического эффекта за счет синхронизации совершенствования отраслевых технологий искусственного интеллекта в сопряженных отраслях. Такая синхронизация может быть одной из задач стратегических консорциумов как мезоэкономических институтов формирования и координации сетей добавленной стоимости (Полтерович, 2024).

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Аджемоглу Д., Джонсон С. (2024). Власть и прогресс: наша тысячелетняя борьба за технологии и процветание. М.: АСТ. 544 с. [Acemoglu D., Johnson S. (2024). *Power and progress: Our thousand-year struggle over technology and prosperity*. Moscow: AST. 544 p. (in Russian). Originally published in 2023. N.Y.: PublicAffairs. 595 p.]
- Гимпельсон В.Е., Капелюшников Р.И. (2022). Рутинность и риски автоматизации на российском рынке труда // *Вопросы экономики*. № 8. С. 68–94. DOI: 10.32609/0042-8736-2022-8-68-94 [Gimpelson V.E., Kapeliushnikov R.I. (2022). Work routines and risks of automation in the Russian labor market. *Voprosy Ekonomiki*, 8, 68–94. DOI: 10.32609/0042-8736-2022-8-68-94 (in Russian).]
- Дементьев В.Е. (2024). Технологический суверенитет и экономические интересы // *Journal of Institutional Studies*. Т. 16. № 3. С. 6–18.

- DOI: 10.17835/2076-6297.2024.16.3.006-018 [Dementiev V.E. (2024). Technological sovereignty and economic interests. *Journal of Institutional Studies*, 16 (3), 6–18. DOI: 10.17835/2076-6297.2024.16.3.006-018 (in Russian).]
- Капелюшников Р.И.** (2025). Искусственный интеллект и проблема сингулярности в экономике // *Вопросы экономики*. № 5. С. 5–45. DOI: 10.32609/0042-8736-2025-5-5-45 [Kapeliushnikov R.I. (2025). Artificial intelligence and the problem of singularity in economics. *Voprosy Ekonomiki*, 5, 5–45. DOI: 10.32609/0042-8736-2025-5-5-45 (in Russian).]
- Полтерович В.М.** (2024). Формирование отечественных сетей добавленной стоимости // *Журнал Новой экономической ассоциации*. № 3 (64). С. 251–257. DOI: 10.31737/22212264_2024_3_251-257 [Polterovich V.M. (2024). The formation of domestic value-added networks. *Journal of the New Economic Association*, 3 (64), 251–257. DOI: 10.31737/22212264_2024_3_251-257 (in Russian).]
- Скоробогатов А.С., Свиридов О.И.** (2025). Влияние искусственного интеллекта на структуру и содержание вакансий на российском рынке труда // *Вопросы экономики*. № 1. С. 71–91. DOI: 10.32609/0042-8736-2025-1-71-91 [Skorobogatov A.S., Sviridov O.I. (2025). The artificial intelligence impact on Russian labor market. *Voprosy Ekonomiki*, 1, 71–91. DOI: 10.32609/0042-8736-2025-1-71-91 (in Russian).]
- Acemoglu D.** (1998). Why do new technologies complement skills? Directed technical change and wage inequality. *Quarterly Journal of Economics*, 113 (4), 1055–1089.
- Acemoglu D.** (2024). The simple macroeconomics of AI. *NBER Working Paper*, 32487. 50 p. Available at: <https://economics.mit.edu/sites/default/files/2024-04/The%20Simple%20Macroeconomics%20of%20AI.pdf>
- Acemoglu D., Johnson S.** (2024). Learning from Ricardo and Thompson: Machinery and labor in the early industrial revolution and in the age of artificial intelligence. *Annual Review of Economics*, 16, 597–621. DOI: 10.1146/annurev-economics-091823-025129
- Acemoglu D., Kong F., Restrepo P.** (2024). Tasks at work: Comparative advantage, technology and labor demand. *NBER Working Paper*, 32872.
- Acemoglu D., Restrepo P.** (2018). The race between man and machine: Implications of technology for growth, factor shares, and employment. *American Economic Review*, 108 (6), 1488–1542. DOI: 10.1257/aer.20160696
- Acemoglu D., Restrepo P.** (2022). Tasks, automation, and the rise in U.S. wage inequality. *Econometrica*, 90 (5), 973–2016.
- Aghion P., Antonin C., Bunel S., Jaravel X.** (2020). What are the labor and product market effects of automation? New evidence from France. *CEPR Discussion Paper*, 14443.
- Dufva T., Dufva M.** (2019). Grasping the future of the digital society. *Futures*, 107, 17–28. DOI: 10.1016/j.futures.2018.11.001
- Floridi L.** (2024). Why the AI hype is another tech bubble. *Philosophy & Technology*, 37, 128. DOI: 10.1007/s13347-024-00817-w
- Hessenkemper H., Starke S., Atassi Y., Ziegenhein T., Lucas D.** (2022). Bubble identification from images with machine learning methods. *International Journal of Multiphase Flow*, 155, 104169. DOI: 10.1016/j.ijmultiphaseflow.2022.104169
- Kerr A., Barry M., Kelleher J.D.** (2020). Expectations of artificial intelligence and the performativity of ethics: Implications for communication governance. *Big Data & Society*, 7 (1), 1–12. DOI: 10.1177/2053951720915939
- Maani I.** (2025). *The Internet bubble of 2000 and the potential artificial intelligence bubble: A comparative Study of Economic and Legal dimensions*. Available at: <https://ssrn.com/abstract=5423214> or DOI: 10.2139/ssrn.5423214
- Nordhaus W.D.** (2021). Are we approaching an economic singularity? Information technology and the future of economic growth. *American Economic Journal: Macroeconomics*, 13 (1), 299–332. DOI: 10.1257/mac.20170105
- North D.** (1990). *Institutions, institutional change, and economic performance*. Cambridge; N.Y.: Cambridge University Press.
- Vermeulen B., Kesselhut J., Pyka A., Saviotti P.** (2018). The impact of automation on employment: Just the usual structural change? *Sustainability*, 10 (5), 1–27. DOI: 10.3390/su10051661
- Weizenbaum J.** (1976). *Computer power and human reason: From judgment to calculation*. San Francisco: W.H. Freeman. 300 p. ISBN: 978-0-716-70464-5.

Поступила в редакцию 23.01.2026

Received 23.01.2026

V.E. Dementiev

Central Economics and Mathematics Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Artificial intelligence: Social risks and economic opportunities

Abstract. Due to the rapid improvement of artificial intelligence technology, the social risks associated with it are discussed. Alternative options for the development of artificial intelligence technology are considered. The definition of the way in which the relationship between humans and artificial intelligence will be built is highlighted as an urgent problem. The role of institutional factors in choosing this path is noted. Technological and institutional trajectories are considered dependent on whose interests are put at the forefront in shaping the direction of technological development. Different points of view regarding the impact of artificial intelligence on employment and economic growth are presented. The energy intensity of artificial intelligence technology is highlighted as a factor that can limit the economic growth achieved through the use of this technology. The experience of using microelectronic technologies is analyzed to determine the conditions favorable for the economic potential of artificial intelligence. The study is carried using data on the US economy. Special attention is paid to the periods when the private sector of this economy saw an increase in returns. The possibility of obtaining a synergistic effect by synchronizing the improvement of industrial artificial intelligence technologies in related industries is shown.

Keywords: *artificial intelligence, employment, economic growth, socio-economic inequality.*

JEL Classification: E24, J21, O31, O33.

For reference: **Dementiev V.E.** (2026). Artificial intelligence: Social risks and economic opportunities.

Journal of the New Economic Association, 1 (70), 442–449 (in Russian).

DOI: 10.31737/22212264_2026_1_442-449

EDN: QEMOWH